

Восприятие молодежью социально-экономической политики советской власти в 1937–1940 гг.

К. А. Якимов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет. Россия, г. Тамбов. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Обращение к проблеме изучения особенностей общественного сознания молодого поколения в довоенный период актуальна, поскольку, несмотря на наличие фундаментальных исследований советского общества 1930-х гг., большая их часть носит обобщенный характер, отдельные аспекты темы по-прежнему остаются малоизученными. В то же время региональная локализация способствует более углубленному изучению заявленной темы. В статье на основании архивных документов и материалов периодической печати Тамбовской области раскрываются общественные настроения и ментальные установки молодежи. Изучение особенностей общественного сознания в исследуемый период позволит расширить представления об источниках энтузиазма и трудового героизма юношей и девушек. Полученные в ходе исследования факты свидетельствуют о неоднородности сознания молодых людей. Доказано, что повышению авторитета советской власти во многом способствовали ставшие общедоступными социальные лифты, содействующие более успешной социализации и карьерному росту, причем как по гражданской, так и по военной службе. В сознании значительной части молодежи, адаптировавшейся к социально-экономическим переменам, закреплялось представление о равенстве возможностей, что обеспечивало рост авторитета советской власти. Автор приходит к выводу о том, что политика государственного патернализма порождала среди подрастающего поколения оптимизм и убежденность в правильности выбранного политического курса. Вера в возможность достижения идеалов коммунизма во многом поддерживалась успехами индустриализации первых пятилеток. Культивируемый пропагандистскими структурами аскетизм позволял подрастающему поколению мириться и не замечать многие трудности повседневной жизни, вследствие чего вырабатывалась привычка довольствоваться малым. Вместе с тем в ходе исследования отмечается, что высокий уровень вертикальной мобильности приводил к возрастанию социально-экономических запросов молодых людей.

Кроме того, в статье показаны различия в общественных настроениях между городской и сельской молодежью. Автор отмечает: колхозная молодежь обладала сравнительно меньшими возможностями для социального роста, что стимулировало рост критических и протестных настроений в молодежной среде. При этом недовольство колхозным строем не носило организованный характер, поскольку сложившийся политический режим репрессивными мерами пресекал любую попытку открытого проявления инакомыслия и разногласия с партийной линией.

Ключевые слова: молодежь, комсомол, общественное сознание, социальные лифты, социализация.

Несмотря на различные подходы к изучению феномена сознания молодежи 1930-х гг. большая часть отечественных и зарубежных историков (В. К. Криворученко, А. А. Слезин, Ш. Фицпатрик, О. В. Хлевнюк, Л. С. Цветлюк) солидарны во мнении о том, что молодежь отнюдь не была монолитной социальной группой [15; 23; 35–37]. Однако в процессе социализации, осложненной усилившейся урбанизацией, подрастающее поколение по-разному адаптировалось к реалиям советской жизни. В связи с чем необходимо понять: как партийные установки преломлялись в сознании молодых людей, почему молодежь неоднозначно воспринимала и оценивала явления советской действительности, какую роль оказывала социальная среда на процесс становления личности. Для реализации поставленных задач необходимо понять внутренний мир молодежи, проникнуть за «ширму» всеобщего одобрения политики партии, понять источники идеологической убежденности молодых людей.

С момента прихода большевиков к власти одной из ключевых задач, стоявших перед советским руководством, было формирование «нового человека», носителя коммунистической идеологии, исповедавшего социалистические ценности. Значимость поставленной задачи во многом объяснялась осознанием советским руководством особого положения молодежи в социальном пространстве советского общества. Как верно заметил В. К. Криворученко, молодежь могла очень непредсказуемо отнестись к проводимой в стране политике, поэтому руководство страны старалось подчинить эту силу, взять ее под контроль [15, с. 8].

Выросшее к середине 1930-х гг. поколение молодых людей не имело опыта сознательной жизни в условиях прежнего политического режима, процесс их социального становления осуществлялся при советской власти. Кроме того, в силу психолого-возрастных особенностей молодежь как отдельная социальная группа обладала высокой степенью лабильности сознания, что создавало благоприятную почву для манипулирования. По логике советского руководства, именно молодежь со свойственным ей романтизмом и восприимчивостью должна была стать основным носителем коммунистических ценностей. В то же время форсированные темпы индустриализации требовали использования социальной энергии и творческого потенциала (инициативность, креативность, предприимчивость) молодых людей. Таким образом, от степени лояльности молодежи и ее отношения к советской власти во многом зависела результативность социалистического строительства. Советское руководство осознавало это и потому придавало особое значение молодежной политике.

Несомненно, особо важную роль в работе с молодым поколением играл комсомол, который к середине 1930-х гг. окончательно утратил свою самостоятельность и, по сути, являлся проводником партийной линии в молодежной среде. При этом характер идеологической и воспитательной работы с молодыми людьми эволюционировал по мере трансформации самой политической системы. К концу 1930-х гг. комсомол превратился в массовую молодежную организацию, выполнявшую роль социального лифта, благоприятствовавшего успешной социализации молодого человека. Без комсомольского билета было гораздо сложнее получить желаемую квалификацию или устроиться на подходящую работу. В связи с чем уже к июню 1938 г. 80,3 % всей молодежи Тамбовской области были комсомольцами [8, л. 3]. Вступая в ряды ВЛКСМ, от молодых строителей «нового общества» требовали изучать труды основоположников марксизма, а после выхода «Краткого курса ВКП(б)» и «Сталинской энциклопедии» также быть передовыми на производстве [7, л. 267]. В период массовых политических репрессий к этому требованию добавилась установка быть решительным в борьбе с «врагами народа», которыми якобы кишело советское общество.

Ужесточение политического режима в годы «Большого террора», его трансформация из авторитарного в тоталитарную модель, находило свое выражение в стремлении поставить под контроль жизнь общества и каждого индивида в отдельности. Несмотря на то что Сталинская Конституция давала перечень широких социально-экономических прав, молодежь не обладала частной жизнью в привычном понимании этого выражения. К началу массовых политических репрессий в соотношении государство-общество-личность потребности отдельной личности отождествлялись с интересами советской власти. Партии и комсомолу нужно было знать все о «новом человеке»: его политические взгляды и идеалы, результаты трудовой деятельности, увлечения, быт и досуг. В связи с чем комсомольские организации тщательно следили за настроениями молодежи, пытаясь добиться всеобщего энтузиазма и одобрения политического курса, пресекая проявления антисоветских настроений.

В условиях реализации пятилетних планов развития народного хозяйства все чаще звучали призывы жертвовать личным во благо будущей счастливой и зажиточной жизни. В реальности большая часть молодежи верила в то, что золотое время не за горами, а успехи индустриализации, о которых постоянно писали в газетах, только усиливали подобные настроения. В частности, комсомолка Фирсова, добившись определенной финансовой обеспеченности своей семьи, утверждала: «Наш ребенок, как и все дети советской страны, будет расти, ни в чем не нуждаясь» [17, с. 3]. Общественная атмосфера всеобщего энтузиазма и воодушевленности, связанная с успехами индустриализации страны, а также возросшими возможностями социального роста и мобильности, порождала у многих юношей и девушек чувство личной сопричастности тем переменам, которые происходили в обществе. К примеру, юные активистки Самохвалова и Туева еще с детской поры мечтали работать за станком, аргументируя это желанием своим трудом способствовать социалистическому строительству [12, л. 121]. Причем подобные заявления, как правило, подкреплялись самоотверженным энтузиазмом и трудовым подвигом.

Большая часть молодежи была оптимистична, а коммунистический идеал представлялся вполне достижимым, пускай и в отдаленном будущем. Многие трудности массовым подрастающим поколением воспринимались как временные и неизбежные явления на пути социалистического строительства. При этом сознание молодежи было весьма аскетично: вырабатывалась привычка довольствоваться малым, отдавая последние силы и средства ради «вечных вещей». В частности, комсомолка Денисова, узнав о выпуске нового государственного займа,

заявляла: «Я одобряю партию и правительство по выпуску займа третьей пятилетки, и поэтому я подписалась на полную зарплату» [9, л. 28]. Машинист молодежно-комсомольского паровоза Лосев подписался на 800 р. при среднем заработке в 600 р. [19, с. 2]. Не менее показательны настроения молодого курсанта Богданова: «Я первым подписался на заем и напишу домой родителям, чтобы они тоже подписались» [11, л. 55об.]. Как видим, молодежь была жертвенна, и этот образ встречал одобрение со стороны власти, поэтому нередко подобные примеры с легкостью можно было встретить на страницах периодической печати.

Одним из значимых факторов роста авторитета советской власти среди молодежи был доступ к большому количеству эффективно работающих социальных лифтов, которые способствовали ускорению вертикальной социальной мобильности юношей и девушек. В это время многие молодые ребята, родившиеся в период становления советской власти в совершенно обычных рабочих и крестьянских семьях, получили большие возможности для социального роста и изменения своего социального статуса. К примеру, юная комсомолка Милушева заявляла: «Я верю, что при материнской заботе о нас партии, правительства и любимого отца всех советских детей тов. Сталина я стану доктором» [16, с. 3]. Отныне, используя различные каналы социализации, молодые ребята могли претендовать даже на управленческие должности, в то время как осознание личной значимости укрепляло веру в правильность выбранного политического курса.

Важнейшим из советских социальных лифтов 1930-х гг., способствовавших формированию ореола «непогрешимости» и справедливости политики правящей партии и ее лидеров, было общедоступное образование, в том числе и в различных адаптивных формах (заочное, вечернее, рабфаки). Например, юный инженер Журин следующим образом объяснял причину трепетного отношения к советской власти: «Я вырос и воспитывался при советской власти, она дала мне образование. И вот сейчас в свои 26 лет я достиг заветной цели моей жизни. У меня законченное среднее техническое образование и в настоящее время я руковожу ответственным участком строительства жилого дома СК-5. Несказанно благодарен я советской власти, так много сделавшей для меня хорошего» [27, с. 3]. Молодой активист Рыбин, поставленный комсомол на должность пропагандиста, говорил: «Право на образование еще раз подтверждает исключительную заботу нашей коммунистической партии и правительства о нашей советской молодежи» [6, л. 2]. Еще более иллюстративны настроения студента Яковлева: «Советская власть дала мне счастливую и радостную жизнь, она широко открыла предо мной двери в науку» [34, с. 3]. Аналогичные примеры достаточно часто встречались в различных районах Тамбовской области.

При этом карьерное продвижение поощрялось государством в самых различных формах: чествованием на собраниях, материальным поощрением, размещением портретов активистов на Досках почета, льготным предоставлением жилплощади. Под влиянием этих факторов в молодежной среде складывалась своего рода мода на трудовые подвиги, что, несомненно, усиливало энтузиазм молодых людей. К примеру, учащийся ремесленного училища при заводе «Комсомолец» Комаров утверждал: «Радостно трудиться, зная, что труд у нас – дело чести, славы, доблести и геройства, зная, что труд обеспечивается Сталинской Конституцией» [Там же]. В реальности подобные настроения были присущи многим активистам и стахановцам 1930-х гг.

Несмотря на явное приукрашивание негативных сторон царского режима, следует признать, что в Советском Союзе в 1930-е гг. было существенно больше возможностей для социального роста (личностного, карьерного) вне зависимости от национальности, имущественного положения и социального происхождения. Безусловно, многие молодые люди лично ощущали произошедшие перемены, а потому искренне дорожили завоеваниями социализма. Обратимся к рассуждениям комсомольца Первомайского района: «До революции наша семья в количестве 5 человек работала на помещика за мизерную зарплату, работа была тяжелая, мне в это время было пять лет. Ходили разуты, раздеты, об учебе и не вспоминали, потому что не было лишних возможностей учиться. В настоящий момент у меня два брата имеют среднее образование, сам я являюсь стахановцем в совхозе и учусь в средней школе без отрыва от производства» [6, л. 2–2об.]. В качестве другого наглядного примера рассмотрим заявление комсомолки Киселевой: «Если бы я, крестьянская девушка, жила в старое время, то была бы неграмотной, и считали бы меня лишним ртом. А сейчас я окончила на “отлично” семилетку и меня, как отличницу, отправили на курсы комбайнеров. Теперь я не лишняя рот в семье, а хорошая поддержка, и мои родители гордятся мной» [14, с. 3]. Как видим, советский миф

о тяжком бремени молодежи в условиях «царизма» весьма доверчиво воспринимался молодежью, не обладавшей сознательным опытом жизни в условиях альтернативного политического режима.

Значительная часть молодежи расценивала получение образования как возможность вырваться в город, который манил сравнительно большими перспективами, чем довольно однообразная жизнь в деревне. Получив образование, молодые люди рассчитывали на более уважаемую и престижную работу (соответствующую их квалификации), желательно в городе, а потому нередко уклонялись от колхозных работ. К примеру, комсомолец Кривошейн с ропотом заявлял: «Я учился не для того, чтобы работать в колхозе» [2, л. 139]. Не менее наглядно поведение комсомольцев Волчкова, Кукляева, Лыгина, Крючкова, категорически отказывавшихся работать в колхозе после семилетнего образования [4, л. 8]. Как видим, получение образования, существенно раскрывавшего горизонты личностного роста, возрастали социально-экономические запросы подрастающего поколения. В то же время в глазах молодежи городская жизнь становилась все более привлекательной, и потому юноши и девушки всеми силами старались вырваться из деревни. Городская жизнь привлекала молодежь доступным кинематографом, театром, чистыми учреждениями, в то время как досуг и быт на селе был весьма скучен и однообразен. Это обстоятельство стимулировало процесс урбанизации, что было вполне свойственно и даже необходимо для страны, осуществлявшей форсированную индустриализацию.

Однако не все усилия идеологической и пропагандистской работы с молодежью, направленные на формирование таких важных для системы качеств человека, как трудовая дисциплина, ответственность, патриотизм, бескорыстное трудолюбие, реализовывались на практике должным образом. Осознание различий в социальном положении между городской и сельской молодежью стимулировало рост критических настроений в адрес советской власти. Нередко объектом критики становилось содержание нового основного закона. Например, учащийся техникума Дмитриев во время проведения занятий критиковал текст нового основного закона, аргументируя это различием в правовом положении рабочих и колхозников [20, л. 116]. Не менее радикально был настроен комсомолец Трунев, утверждая, что «положения колхозников во много раз хуже рабочих, а Конституция – одна философия» [21, л. 171]. Судьбы смельчаков, допуская столь неосторожные рассуждения, как правило, были трагичны.

Тем не менее недовольство советской властью и протестные настроения в основном были присущи сельской молодежи, которая в большей степени испытывала тяготы колхозной жизни и неудовлетворенность материальным положением. К примеру, комсомольцы Лукковцев и Муравьев утверждали: «Раньше при капиталистическом строе лучше жилось, кулак давал хлеба крестьянину, а колхозы не дают хлеба крестьянам, и они умирают» [5, л. 16]. Молодой колхозник Севастьянов говорил: «Разве это власть? Она нас угробила! Жить стало невозможно» [3, л. 219]. Комсомолец Рубанов заявлял: «Мы изучаем политэкономия, а сами сидим без товаров, ходим без сапог [20, л. 116]. Еще более наглядно поведение комсомольца Короваева, который заявлял, что денег нет и получать от колхоза нечего, подтверждая это, он указывал на свои рваные ботинки [10, л. 100]. В реальности недоедание и голод были частыми спутниками подрастающего поколения, что обуславливало рост антиправительственных настроений, однако говорить о своем недовольстве в годы «Большого террора» было небезопасно, поэтому нередко молодые люди не выражали публично свои истинные взгляды. В то же время для большинства молодых людей ожидание неперемного «чуда» в будущем позволяло мириться со многими трудностями повседневной жизни.

Существенную роль в процессе формирования положительного образа советской власти играла социальная политика большевистского руководства. Широкий перечень социально-экономических прав (право на труд, отдых, образование, пенсионное обеспечение и др.), закрепленных сталинской Конституцией, повышал в глазах молодежи авторитет советской власти, что содействовало становлению культового сознания в молодежной среде. В качестве наглядного примера обратимся к рассмотрению письма ученицы 8 класса Мордовской средней школы: «Моя мать ежегодно получает пособие по многодетности. Это пособие оказало большую пользу. Мы построили себе хороший дом, все учимся и работаем. Старшая сестра заведует библиотекой в Мордовском районе, младший брат учится в советской партийной школе, старший работает ветеринарным врачом в г. Армавире. Сестра Анна, брат Виктор и я учимся в средней школе. Лишь ничем не занят младший брат Владимир, на которого выдается пособие. Таких семей, как наша, в Советском Союзе десятки тысяч... Спасибо партии,

правительству и тов. Сталину за заботу о матерях и детях» [31, с. 4]. Политика государственного патернализма создавала иллюзию отеческой заботы самого «вождя народов» о молодом поколении. В этом отношении весьма иллюстративны настроения комсомольца Иванова: «Передо мной широкое будущее. Я окончил неполную среднюю школу. Сейчас учусь на третьем курсе фельдшерско-акушерской школы... Я пойду на избирательный участок с чувством горячей преданности партии, советскому правительству и великому Сталину, который дал нам счастливую жизнь, который отечески заботится о нас» [32, с. 3]. Как видим, особенно высоко оценивала советскую власть та часть молодежи, которая смогла улучшить свое материальное положение, добиться определенного статуса в обществе.

Не менее важной чертой сознания молодежи был высокий уровень патриотизма, основанного на любви к Родине, партии и «вождям народа». К примеру, курсант военного училища Никитин, называя Конституцию своей радостью, обращался к Родине со следующими словами: «Родина! Радость мою береги, меня же пошли на границу» [30, с. 4]. Показателен отрывок из письма молодого красноармейца Азырбаева: «Родина. В это слово я вкладываю всю свою жизнь – счастливую, радостную, полнокровную» [18, с. 3]. Нередко патриотические настроения находили свое выражение в различных формах молодежного фольклора. Весьма показателен отрывок из стихотворения юного патриота Дорошина «Праздничная Родина моя»:

«За одно родное имя – Ленин
Я готов подняться на врага.
Сколько бы убийц, врагов ни стало,
Никогда не повернуть нас вспять.
Назови одно лишь слово – Сталин –
Встану, защищая крепче стали
Каждую отеческую пядь» [29, с. 3].

Многие молодые люди зачитывались рассказами о боевых заслугах и ратных подвигах солдат Красной Армии в годы Гражданской войны, а потому еще с юношеской поры мечтали об армейской службе. Победы над квантунской армией у о. Хасан и р. Халхин-Гол только закрепляли образ непобедимости Красной Армии, стимулируя желание молодых патриотов ратно послужить своей Родине. Весьма показательны в этом отношении настроения призывника Подъяпольского: «Наконец-то я дождался самого счастливого дня в своей жизни – дня призыва в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [33, с. 3]. Кроме того, среди подрастающего поколения наблюдалась сильная тяга в военные училища, обусловленная перспективами профессионального и карьерного роста, которые давала военная специальность. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления, направленные юношами в военкомат. Для наглядности рассмотрим характерный отрывок из письма комсомольца Токарева: «Прошу принять меня в бронетанковое училище, так как я хочу жизнь посвятить нашей доблестной Красной Армии» [28, с. 4]. Не менее примечательно высказывался комсомолец Шпагин: «Если примут меня в кавалерийское училище – я буду счастлив до конца своей жизни. Если надо будет – я отдам всю свою жизнь за Родину» [Там же]. Военная служба открывала возможности социального роста и потому многие юноши (особенно сельской местности) мечтали ею воспользоваться и таким образом избежать рутинной жизни в колхозе, не сулившей серьезными перспективами.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о неоднородности сознания подрастающего поколения. С одной стороны в молодежной среде небезосновательно возрастал авторитет советской власти. Появление новых общедоступных социальных лифтов содействовало успешной социализации молодых людей. В сознании значительной части молодежи возможность получения образования и различных социальных льгот связывалась с заслугами советского руководства, что, в свою очередь, способствовало формированию культового сознания и патриотизма, сочетавшего в себе любовь к Родине и преданность «вождю народа». Успехи индустриализации укрепляли веру в правильность выбранного курса и возможность достижения, пускай и в отдаленном будущем, беззаботного и счастливого будущего. В то же время расширение каналов вертикальной социальной мобильности способствовало повышению социально-экономических запросов молодежи, предпочитавшей работу, соответствующую уровню их образования и квалификации.

Невероятный оптимизм и аскетизм подрастающего поколения помогал мириться со многими трудностями жизни. В то же время проблемы материальной обеспеченности молодежи, особенно сельской местности, нередко порождали критические настроения. Распро-

страненным явлением среди провинциальной молодежи было недовольство колхозным строем. Тем не менее большинство молодых ребят, недовольных низким уровнем материальной обеспеченности, осознанно или неосознанно предпочитали не утруждать себя размышлениями о нестыковках заявлений официальной идеологии и тяготами повседневности. При этом сам политический режим, используя механизм политических чисток, подавлял любую попытку проявления «нездоровых» настроений в молодежной среде.

Список литературы

1. Билим Н. Н. Молодежное движение и государственная молодежная политика на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 – июнь 1941) / Н. Н. Билим. Хабаровск : Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2013. 212 с.
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 600.
3. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО) Ф. П-735. Оп. 1. Д. 473.
4. ГАСПИТО Ф. П-1102. Оп. 1. Д. 72.
5. ГАСПИТО Ф. П-1156. Оп. 1. Д. 33.
6. ГАСПИТО Ф. П-1156. Оп. 1. Д. 48.
7. ГАСПИТО Ф. П-1180. Оп. 1. Д. 53.
8. ГАСПИТО Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 141.
9. ГАСПИТО Ф. П-1194. Оп. 1. Д. 158.
10. ГАСПИТО Ф. П-1221. Оп. 1. Д. 136.
11. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО) Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 900.
12. ГАТО Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 1207.
13. Ипполитов В. А. Общественно-политические настроения комсомольцев в середине 1930-х гг. / В. А. Ипполитов // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 36–48.
14. Коммуна. 1937. 8 марта.
15. Криворученко В. К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде / В. К. Криворученко. М. : Московский гуманитарный институт, 2011. 166 с.
16. Молодой сталинец. 1938. 1 мая.
17. Молодой сталинец. 1938. 3 октября.
18. Молодой сталинец. 1939. 23 февраля.
19. Молодой сталинец. 1940. 2 июля.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1234.
21. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1238.
22. Сафонов Д. А. Стенгазеты как элемент советской действительности 1920–1930-х годов / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2015. № 1. С. 136–155.
23. Слезин А. А. Молодежь и власть / А. А. Слезин. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2002. 220 с.
24. Слезин А. А., Якимов К. А. Развенчание вождей в конце 1930-х годов: реакция советской молодежи / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 102–106.
25. Соколов В. И. Кровь и пот строителей социализма в СССР: 30-е годы XX века. Историко-популярный очерк / В. И. Соколов, Д. В. Соколов. Рязань : Ряз. обл. тип., 2007. 336 с.
26. Стецура Ю. А. Молодежь в постреволюционной модернизации России / Ю. А. Стецура. Армавир : АГПА, 2013. 240 с.
27. Тамбовская правда. 1937. 6 сентября.
28. Тамбовская правда. 1938. 22 апреля.
29. Тамбовская правда. 1938. 1 мая.
30. Тамбовская правда. 1938. 12 декабря.
31. Тамбовская правда. 1939. 22 июня.
32. Тамбовская правда. 1939. 24 декабря.
33. Тамбовская правда. 1940. 3 сентября.
34. Тамбовская правда. 1940. 5 декабря.
35. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 366 с.
36. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2010. 479 с.
37. Цветлюк Л. С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917–1941 / Л. С. Цветлюк. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 393 с.

38. Якимов К. А. Общественные настроения молодежи в годы массовых политических репрессий конца 1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2016. 3. С. 234–251. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.18907. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_18907.html.

Youth perception of the socio-economic policy of the Soviet government in 1937–1940

K. A. Yakimov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and philosophy,
Tambov State Technical University, Russia, Tambov. E-mail: gnom-gnom123@mail.ru

Abstract. Addressing the problem of studying the peculiarities of the public consciousness of the younger generation in the pre-war period is relevant, since, despite the availability of fundamental research on Soviet society in the 1930s, most of them are generalized, and certain aspects of the topic are still poorly studied. At the same time, regional localization contributes to a more in-depth study of the declared topic. On the basis of archival documents and materials from periodicals of the Tambov region, the article reveals the public sentiments and mental attitudes of youth. The study of the characteristics of public consciousness in the period under study makes it possible to expand the understanding of the sources of enthusiasm and labor heroism of young men and women. The facts obtained in the course of the study indicate the heterogeneity of the consciousness of youth. It has been proved that the increase in the authority of the Soviet government in the eyes of young men and women was largely facilitated by the social elevators that have become generally available, contributing to more successful socialization and career growth. The policy of state paternalism gave rise to optimism and conviction among youth in the correctness of the chosen political course. Belief in the possibility of achieving the ideals of communism, fueled by the success of the industrialization of the first five-year plans, made it possible to put up and not notice many difficulties of everyday life. A high level of patriotism and the habit of being content with little were the most important components of the consciousness of the younger generation.

In addition, the article shows the differences in public attitudes of urban youth from rural youth. The author notes that the collective farm youth had relatively fewer opportunities for social growth, which stimulated the growth of critical and protest sentiments among the youth.

Keywords: youth, Komsomol, public consciousness, social elevators, socialization.

References

1. Bilim N. N. *Molodezhnoe dvizhenie i gosudarstvennaya molodezhnaya politika na Sovetskom Dal'nem Vostoke (noyabr' 1922 – iyun' 1941)* [Youth movement and state youth policy in the Soviet Far East (November 1922 – June 1941)] / N. N. Bilim. Habarovsk. Habarovsk border Institute of the FSB of Russia. 2013. 212 p.
2. State archive of socio-political history of the Voronezh region (SASPHVR). F. 8. Inv. 1. File 600.
3. State archive of socio-political history of Tambov region (SASPHTR) F. P-735. Inv. 1. File 473.
4. SASPHTR F. П-1102. Inv. 1. File 72.
5. SASPHTR F. П-1156. Inv. 1. File 33.
6. SASPHTR F. П-1156. Inv. 1. File 48.
7. SASPHTR F. П-1180. Inv. 1. File 53.
8. SASPHTR F. П-1184. Inv. 1. File 141.
9. SASPHTR F. П-1194. Inv. 1. File 158.
10. SASPHTR F. П-1221. Inv. 1. File 136.
11. State archive of the Tambov area (SATR) F. P-1499. Inv. 1. File 900.
12. SATR F. P-1499. Inv. 1. File 1207.
13. Ippolitov V. A. *Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya komsomol'cev v seredine 1930-h gg.* [Social and political attitudes of members of the Komsomol in the mid-1930s] / V. A. Ippolitov // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2016. No. 6. Pp. 36–48.
14. *Kommuna* – Commune. 1937. March 8.
15. Krivoruchenko V. K. *Molodezh', komsomol, obshchestvo 30-h godov XX stoletiya: k probleme repressij v molodezhnoj srede* [Youth, Komsomol, society of the 30s of the XX century: on the problem of repression in the youth environment] / V. K. Krivoruchenko. M. Moscow Humanitarian Institute. 2011. 166 p.
16. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1938. May 1.
17. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1938. October 3.
18. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1939. February 23.
19. *Molodoj stalinec* – Young Stalinist. 1940. July 2.
20. Russian state archive of socio-political history (RSASPH) F. M-1. Inv. 23. File 1234.
21. RSASPH F. M-1. Inv. 23. File 1238.

22. Safonov D. A. *Stengazety kak element sovetskoj dejstvitel'nosti 1920–1930-h godov* [Wall newspapers as an element of Soviet reality in the 1920s–1930s] / D. A. Safonov // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta : elektronnyj nauchnyj zhurnal* – Herald of the Orenburg State Pedagogical University : electronic scientific journal. 2015. No. 1. Pp. 136–155.
23. Slezin A. A. *Molodezh' i vlast'* [Youth and power] / A. A. Slezin. Tambov. TSTU. 2002. 220 p.
24. Slezin A. A., Yakimov K. A. *Razvenchanie vozhdjev v konce 1930-h godov: reakciya sovetskoj molodezhi* [Debunking the leaders in the late 1930s: the reaction of Soviet youth] / A. A. Slezin, K. A. Yakimov // *Voprosy istorii* – Question of history. 2019. No. 2. Pp. 102–106.
25. Sokolov V. I. *Krov' i pot stroitelej socializma v SSSR: 30-e gody XX veka. Istoriko-populyarnyj ocherk* [Blood and sweat of the builders of socialism in the USSR: the 30s of the twentieth century. Historical and popular essay] / V. I. Sokolov, D. V. Sokolov. Ryazan. Ryazan region typ. 2007. 336 p.
26. Stecura Yu. A. *Molodezh' v postrevolyucionnoj modernizacii Rossii* [Youth in post-revolutionary modernization of Russia] / Y. A. Stecura. Armavir. ASPA. 2013. 240 p.
27. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1937. September 6.
28. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1938. April 22.
29. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1938. May 1.
30. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1938. December 12.
31. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1939. June 22.
32. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1939. December 24.
33. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1940. September 3.
34. *Tambovskaya pravda* – Tambov truth. 1940. December 5.
35. Fitzpatrick Sh. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city] / Sh. Fitzpatrick. 2nd ed. M. Russian political encyclopedia (ROSSPEN) ; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 2008. 366 p.
36. Hlevnyuk O. V. *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Host. Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship] / O. V. Hlevnyuk. M. ROSSPEN. 2010. 479 p.
37. Cvetlyuk L. S. *Molodezh' v preobrazovanii strany na kommunisticheskikh nachalah: metodologiya, istoriografiya, istoricheskie uroki 1917–1941* [Youth in the transformation of the country on Communist principles: methodology, historiography, historical lessons 1917–1941] / L. S. Cvetlyuk. M. Moscow. Humanit. University. 2006. 393 p.
38. Yakimov K. A. *Obshchestvennye nastroyeniya molodezhi v gody massovyh politicheskikh repressij konca 1930-h gg.* [Public attitudes of youth in the years of mass political repressions of the late 1930s] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2016. 3. Pp. 234–251. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.18907. Available at: http://www.e-notabene.ru/hr/article_18907.html.